

Т е м а н о м е р а : Человеческий потенциал российской модернизации

Перспективы политической модернизации в России и развитие гражданской активности населения

Петухов Владимир Васильевич –
кандидат философских наук,
руководитель Центра комплексных
социальных исследований ИС РАН

E-mail: petuhovvv@mail.ru

Перспективы политической модернизации в России и развитие гражданской активности населения¹

Аннотация

В статье обосновывается необходимость, наряду с институциональной модернизацией, развития разнообразных форм коллективной интеграции, самозащиты и самоорганизации граждан как основы для мобилизации демократических сил и их активного участия в процессе модернизации политической и общественной жизни.

Abstract

The author explains the need for various forms of citizens' collective integration, self-defense and self-organization. The author claims that citizen's initiative should go in line with institutional change. He also argues that these forms of collective civil activity are the basis for the mobilization of democratic forces and their active participation political and social modernization.

Ключевые слова: модернизация, политическая и социальная активность, демократические ценности, демократические институты, демократия участия, гражданское общество

Keywords: modernization, political and social activism, democratic values, democratic institutions, democracy of participation, civil society

Почти двадцать лет посткоммунистической трансформации России уже дают некоторое основание считать, что наличие в обществе формальных институтов рынка и демократии ещё не означает его «современности», также как нет жёсткой корреляции между появлением указанных институтов и соответствующей социокультурной трансформацией. Несмотря на

¹ Данная статья подготовлена в рамках работы по проекту «Социально-гуманитарный потенциал модернизации России» № 11–32–03001, осуществляемому при финансовой поддержке РГНФ.

масштабность произошедших в стране изменений, посткоммунистическая Россия до сих пор характеризуется многими отечественными и зарубежными аналитиками как общество «переходного типа», перспективы дальнейшей эволюции которого представляются весьма неопределёнными. Финансово-экономический кризис эту неопределённость только усилил. Одновременно он обнажил то, что было видно многим и раньше: концентрация власти на её верхних этажах при очевидной слабости и неэффективности других «несущих» конструкций политической системы, экономических и социальных институтов начинает представлять серьёзную угрозу для настоящего и будущего России. Становится очевидным, в том числе и для некоторых близких к власти кругов, что комбинация либеральной экономики и элитарной демократии в качестве долгосрочной стратегии развития страны трудно реализуема и даже опасна.

Одна часть властвующей элиты и экспертного сообщества вообще против каких-либо существенных политических изменений, опасаясь «перестройки 2», а другая «за», но предлагает верхушечные преобразования.

Это чрезвычайно важно, учитывая, что отношение общества, различных его групп и слоёв к модернизации далеко не так однозначно, как это кажется на первый взгляд. Вряд ли кто сегодня станет возражать против необходимости технико-экономической модернизации, повышения производительности и качества произведённой продукции и услуг. Однако многие реальные действия, выходящие за сугубо технократические рамки, могут потребовать от общества и власти значительных усилий и даже жертв. И, соответственно, будут восприниматься многими весьма настороженно, тем более что Россия ещё помнит перестройку и реформы 1990-х. Кроме того, представления о путях достижения одной и той же цели у различных элитных и общественных групп совершенно разные. Скажем, одна часть властвующей элиты и экспертного сообщества вообще против каких-либо существенных политических изменений, опасаясь «перестройки 2» (руководство «Единой России»), а другая «за», но предлагает верхушечные преобразования, означающие фактически возврат к политическим реалиям 1990-х: создание небольшой буржуазно-либеральной партии, смягчение контроля над электронными СМИ, некоторую либерализацию общественной жизни, включая право на митинги, демонстрации и т. п. (группа «ИНСОП», И. Юргенс).

Та же разногласия мнений ощущается и в обществе. Часть бизнеса, низовой бюрократии, бюджетников, городской молодёжи готова поддержать либеральный поворот, политическую «оттепель», в то время как «традиционалистские» слои общества, напротив, вектор перемен усматривают в усилении «порядка», жёстком, а в ряде случаев и силовом подавлении коррумпированных и неэффективных элит. И в этом случае

Становится очевидным, в том числе и для некоторых близких к власти кругов, что комбинация либеральной экономики и элитарной демократии в качестве долгосрочной стратегии развития страны трудно реализуема и даже опасна.

Одна часть властвующей элиты и экспертного сообщества вообще против каких-либо существенных политических изменений, опасаясь «перестройки 2», а другая «за», но предлагает верхушечные преобразования.

Часть бизнеса, низовой бюрократии, бюджетников, городской молодёжи готова поддержать либеральный поворот, политическую «оттепель», в то время как «традиционалистские» слои общества, напротив, вектор перемен усматривают в усилении «порядка», жёстком, а в ряде случаев и силовом подавлении коррумпированных и неэффективных элит.

возможно формирование самых причудливых конвенций. Например, альянс либеральных технократов, радеющих за «рынок без демократии», и той части элиты и населения, которая раньше симпатизировала «чилийской», а сейчас «китайской» модели модернизации. Речь в данном случае идёт не о КПРФ и её сторонниках, а скорее об умеренных националистах, идеологическое «окормление» которых всё чаще берёт на себя РПЦ.

Этатистский, верхушечный и чисто технократический вариант модернизации был бы на «ура» принят населением в начале «нулевых», но тогда власть под влиянием высоких цен на нефть отказалась от серьёзных преобразований, а сегодня общество такой вариант уже не устроит. И в силу того, что нет прежнего доверия к власти, и потому, что у современного поколения россиян иные приоритеты. Это, прежде всего, новое качество жизни и создание возможностей для личностной самореализации. Соответственно, модернизация политической системы должна быть ориентирована на идею общего блага и иметь следующие цели: во-первых, обеспечение подлинной законности и правопорядка, во-вторых, реализацию в полном объёме не только политических, но и социально-экономических прав граждан и, в-третьих, «разморозку» общественно-политической жизни страны.

О необходимости адекватной новым вызовам адаптации системы власти, расширения реальной демократии, способной подтягивать толковых, неравнодушных людей для решения серьёзных проблем развития страны, неоднократно говорил Президент РФ Д. Медведев.

Возникает, однако, закономерный вопрос: возможно ли, после того, что происходило в стране последние 15–20 лет, раскрепостить энергию россиян, вернуть им доверие к демократии, к её базовым ценностям и институтам, вовлечь в общественную и политическую жизнь страны? Ведь после беспрецедентного всплеска активности масс конца 1980-х – начала 1990 гг. общество перешло в «глухую самооборону», и все исследования последних лет фиксируют постоянно снижающийся уровень политической активности россиян. Выросло целое поколение людей, которое уже ничего не ждёт ни от власти, ни от общественных институтов и действует, что называется, в «автономном режиме».

Единственной формой влияния на власть, которая востребована значительным числом россиян, остаются выборы – самый простой и необременительный вид участия. Однако и они, особенно в последние годы, начинают восприниматься, прежде всего, молодёжью, как формальность, если и нужная, то главным образом для того, чтобы не допустить безвластия и хаоса. Кого и как при этом выбирают, особого значения не имеет. В обществе есть также значительная доля граждан,

Выросло целое поколение людей, которое уже ничего не ждёт ни от власти, ни от общественных институтов и действует, что называется, в «автономном режиме».

которая в принципе отвергает легитимацию власти через выборные процедуры. Именно неучастие, а не протестное голосование, становится всё в большей степени самым распространённым средством выражения политического недовольства граждан.

Практически не востребуемыми являются виды активности и участия, связанные с традиционными институтами – партиями, профсоюзами, общественными организациями. Институты парламентской демократии везде переживают не лучшие времена, тем не менее, опросы, проводимые в Европе, свидетельствуют о том, что они более или менее успешно реализуют закрепленные за ними общественные ожидания. У нас же иногда складывается впечатление, что главная роль, например, партий, профсоюзов и даже Государственной Думы, состоит лишь в том, чтобы канализировать общественное недовольство. Российский правящий класс и в 1990-е гг., и сейчас, концентрируя основное внимание на экономике и укреплении властных институтов, весьма насторожено относился и относится к любым проявлениям «живого творчества масс», стремясь локализовать политическое участие граждан исключительно выборами, манипуляцией которыми нынешняя элита овладела в полной мере. В результате в стране практически не осталось людей, которые были бы согласны с утверждением: в делах страны многое зависит от простых граждан. И напротив, 3/4 россиян убеждены в обратном: всё в этой стране решают руководители и политики. Причём число скептиков за последние десять лет выросло с 47% до 66% (см. рис. 1).

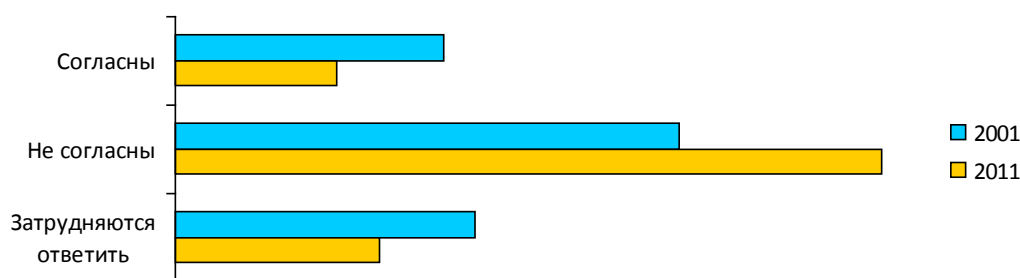

Рис. 1. Согласие / несогласие с суждением «В делах страны многое зависит от простых граждан», %¹

В результате только за последние 10 лет доля россиян, постоянно интересующихся общественно-политической жизнью страны, сократилась с 26% до 18%; а доля тех, кто потерял к ней какой-либо интерес, напротив, увеличилась с 21% до 33%. Большинство же (49%), как и раньше, политикой интересуется факультативно, только тогда, когда в стране или за рубежом происходят какие-то экстраординарные события (см. рис. 2).

¹ Источник: исследования ИС РАН «Десять лет реформ глазами россиян», 2001 г.; «Двадцать лет реформ глазами россиян», 2011 г.

Практически не востребуемыми являются виды активности и участия, связанные с традиционными институтами – партиями, профсоюзами, общественными организациями.

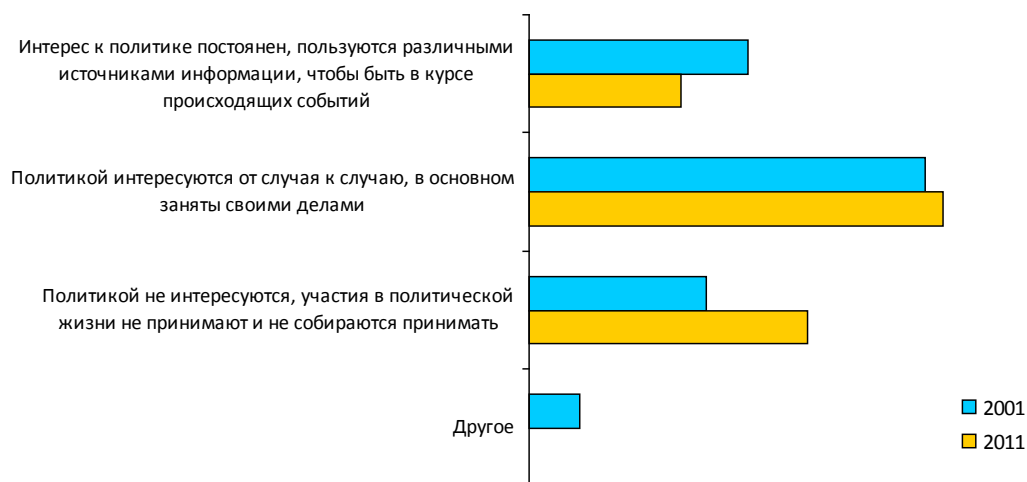

Рис. 2. Интерес россиян к политике, политическим событиям, %¹

Что же касается степени вовлечённости россиян в общественно-политическую жизнь страны, то, по данным некоторых международных исследований, доля россиян, участвующих в ней, составляет около 20% взрослого населения страны, и Россия в списке из 26 стран по уровню включённости населения в различные формы гражданского участия занимает 19 место. Для сравнения: в таких странах-лидерах, как Швеция и Норвегия, эта цифра приближается к 70%, а в Финляндии и Дании – превышает 60% (см.: [1, с. 120]).

Можно предположить, что снижение интереса россиян к политике, уровня их политической активности компенсируется их ростом в других сферах и областях, и тогда имеет место просто перераспределение потоков активности, плюрализация тех форм, в которых она реализуется, а также тех объектов, на которые она направлена. И до некоторой степени это соответствует действительности. Спектр возможностей проявить себя в самых разных областях жизни (предпринимательство, досуговая активность, путешествия, благотворительность и т. п.), сегодня несравненно шире, чем в советские времена. А снижение «политической температуры», особенно по сравнению с 1990-ми, можно считать даже благом для страны и её граждан.

Однако исследования фиксируют низкий уровень не только политической, но и общественной, досуговой активности. Из всего многообразия существующих на сегодняшний день политических, общественных, религиозных, творческих организаций относительной популярностью пользуются только религиозные, в деятельности которых, с той или иной степенью регулярности, участвуют 10% россиян (из них лишь 4% постоянно), спортивные секции, фитнес-центры (7%, постоянно 4%) и профсоюзы (6%, постоянно 3%). Крайне незначительное число опрошенных (от 2% до 4%) заявляют, что участвуют в деятельности обществ защиты прав потребителей,

¹ Источник: исследования ИС РАН «Десять лет реформ глазами россиян», 2001 г.; «Двадцать лет реформ глазами россиян», 2011 г.

Спектр возможностей проявить себя в самых разных областях жизни (предпринимательство, досуг, путешествия, благотворительность и т. п.), сегодня несравненно шире, чем в советские времена. А снижение «политической температуры», по сравнению с 1990-ми, можно считать благом для страны.

в благотворительных организациях и организациях по защите окружающей среды, органах местного самоуправления, т. е. именно в тех, которые в большинстве демократически развитых стран формируют институциональный костяк гражданского общества (см.: [2]).

Понятно, что у подавляющего большинства наших сограждан сегодня совсем иные приоритеты – это поддержание более или менее достойного уровня и качества жизни, профессиональная самореализация. Но и в «неполитических» сферах, связанных с профессиональной деятельностью, возможности, если и увеличились, то отнюдь не для всех и даже не для большинства населения, а в основном для узкого круга людей (см. рис. 3).

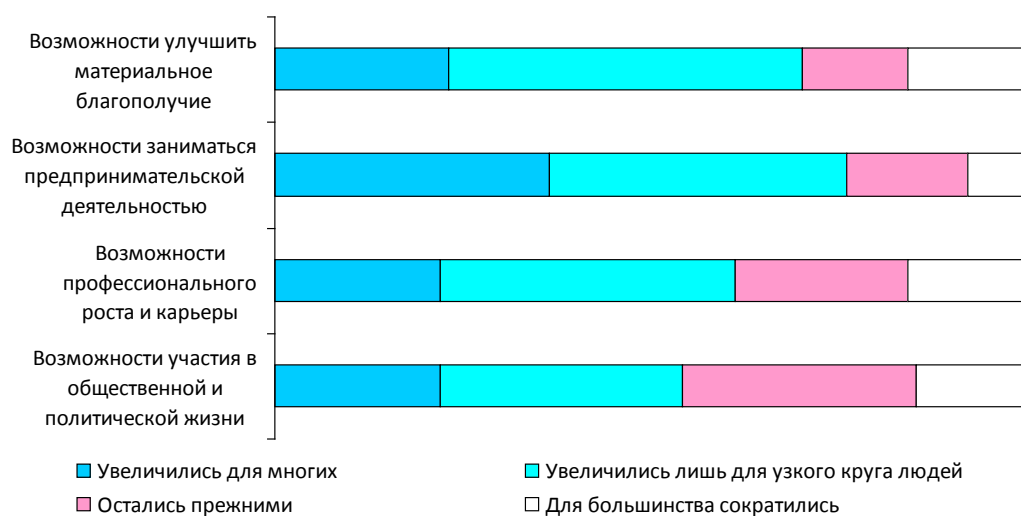

Рис. 3. Оценка респондентами изменений различных сторон повседневной жизни за последние 10 лет, %¹

Иными словами, россияне чётко фиксируют «элитарную» природу российского капитализма и российской демократии, когда некоторый рост уровня материального благосостояния населения сопровождается сужением «коридора возможностей», особенно для молодёжи. Отсюда стремление «жить сегодняшним днём», не строя планов на будущее. Обращает на себя внимание и то, что повышенный уровень пессимизма в оценках возможностей для большинства людей заниматься предпринимательской деятельностью и, особенно, участвовать в общественной и политической жизни общества, отличает сегодня жителей двух столиц. Обе эти сферы – и предпринимательство, и общественно-политическая жизнь – тесно связаны с вопросами административной регламентации. По всей видимости, именно её избыточность в Москве и Санкт-Петербурге во многом и определяет этот пессимизм. Это косвенное свидетельство того, что в этих городах форми-

¹ Источник: исследование ИС РАН «Двадцать лет реформ глазами россиян», 2011 г.

Но и в «неполитических» сферах, связанных с профессиональной деятельностью, возможности, если и увеличились, то отнюдь не для всех и даже не для большинства населения, а в основном для узкого круга людей.

Россияне чётко фиксируют «элитарную» природу российского капитализма и демократии, при которых рост уровня материального благосостояния населения сопровождается сужением «коридора возможностей», особенно для молодёжи. Отсюда стремление «жить сегодняшним днём», не строя планов на будущее.

руется база для протестных настроений людей, имеющих потребность и запрос на свободу общественно-политической деятельности, но не видящих для этого реальных возможностей.

Между тем, рационально-активистская модель социального действия по «освоению» имеющихся в обществе политических и экономических ресурсов является одной из фундаментальных основ современного, демократически организованного общества. Ничего похожего в современной России нет. В отечественной и зарубежной литературе, особенно в политической публицистике, это объясняется в первую очередь олигархизацией власти, усилением её закрытости и ростом авторитарных тенденций (см., например: [3; 4; 5]). Это действительно так, но лишь отчасти. Апатия и некоторая отстранённость большей части населения от происходящих в стране процессов – очень сложный, многослойный и многоаспектный феномен, вызванный целой совокупностью объективных и субъективных причин и обстоятельств.

Нельзя не принимать во внимание, например, что по мере того, как Россия становится современным обществом, проблема массовости участия перестаёт быть актуальной, уступая место проблеме эффективности. Сегодня даже маленькие группы активистов, благодаря существующим средствам коммуникации, могут оказывать заметное влияние на жизнь в том или ином регионе и даже в стране в целом. На масштабах активности сказалось и то, что исчез «госзаказ» на участие. В советской системе существовал строго иерархический механизм социальной мобильности для политической элиты (хозяйственной, партийной, профсоюзной, комсомольской и прочей номенклатуры), но одновременно имелся своеобразный «государственный заказ» на общественную самодеятельность, на участие в общественной жизни как дополнительное, но очень существенное условие профессиональной самореализации. За последние 20 лет ситуация радикально изменилась. В стране сформировалось «общество потребления», плодами его могут пользоваться далеко не все, но влияние, которое оно оказывает на умы людей, на стереотипы их поведения, огромно, прежде всего, в плане «подавления» гражданских, альтруистических в своей основе мотивов социального действия.

В этой связи не приходится удивляться тому, что подавляющее большинство россиян, как, впрочем, и граждане любого другого общества, действуют, если так можно выразиться, в соответствии с концепцией «рационального выбора». Если общественно-политическая активность не сулит каких-то прямых материальных или карьерных выгод, не выступает в качестве «социального лифта», то жизненная энергия людей направляется в иные сферы и на другие объекты приложения их усилий. В России появилась частная жизнь, а граждане

За последние 20 лет в стране сформировалось «общество потребления», плодами его могут пользоваться далеко не все, но влияние, которое оно оказывает на умы людей, на стереотипы их поведения, огромно, прежде всего, в плане «подавления» гражданских, альтруистических мотивов социального действия.

страны получили свободу выбора между участием и не участием. Судя по нынешнему уровню политической активности, многие «правом на неучастие» воспользовались в полной мере.

В то же время, есть симптомы, свидетельствующие, что российское общество постепенно выходит из «спячки», что в стране появились группы и слои, которые, во-первых, достаточно успешно адаптировались к тем переменам, что в ней произошли, и, во-вторых, настроены на перемены и демонстрируют готовность в той или иной форме в них участвовать.

Представления многих отечественных и зарубежных экспертов о России как стране вялых, инертных людей, у которых доминируют патерналистские установки, давно уже не соответствуют действительности. К концу «нулевых» лишь каждый десятый опрошенный заявлял, что не смог приспособиться к новым реалиям жизни, в то время как 10 лет назад – каждый второй. По меньшей мере, треть самодеятельного населения страны, судя по опросам, имеет высокий уровень жизненных притязаний и стремление к их достижению, опираясь главным образом на собственные силы и возможности (см.: [6]).

И что существенно, несмотря на издержки последних двух десятилетий, *большинство россиян сохраняют приверженность базовым демократическим ценностям и институтам, запрос на которые сформировался ещё в конце 1980-х – начале 1990-х гг. (выборность органов власти, свобода предпринимательства, свобода передвижения, включая выезд за границу, свобода слова и печати)* (см.: [6]).

Да и сама атмосфера в обществе постепенно меняется. Завершение острой фазы экономического кризиса совпало с постепенной сменой общественных ожиданий, связанных с возрастной ротацией элит, выходом в активную жизнь поколений, не испытывавших на себе тяжести адаптации к переменам 1990-х гг. Группы, на которые власть привыкла опираться в «нулевые» – значительная часть бюджетников, «низовой» бюрократии и т. п., – стали критичнее относиться к действиям властей, прежде всего в Москве. Особенно резко отразилась новая социально-психологическая ситуация на настроениях людей летом 2010 г. с характерными для него жарой, смогом, подорожанием самых ходовых продуктов питания, бездействием или низкой эффективностью действий властей в чрезвычайной ситуации.

В этих условиях вновь стал расти интерес значительного числа россиян к инструментальным ценностям и механизмам демократии. Практически в два раза за последние десять лет выросло число респондентов, уверенных в том, что одним из наиболее эффективных способов воздействия на власть в целях отстаивания своих интересов являются акции прямого действия: выход на улицу, участие в митингах и демонстрациях (рост с 6% до 14%), а также в забастовках (рост с 6% до 13%).

В то же время, есть симптомы, свидетельствующие, что в стране появились группы и слои, которые достаточно успешно адаптировались к тем переменам, что в ней произошли, настроены на перемены и демонстрируют готовность в той или иной форме в них участвовать.

Существенно, что несмотря на издержки последних двух десятилетий, большинство россиян сохраняют приверженность демократическим ценностям.

Практически в два раза за последние десять лет выросло число респондентов, уверенных в том, что одним из наиболее эффективных способов воздействия на власть в целях отстаивания своих интересов являются акции прямого действия.

По-прежнему высоко оценивается при этом потенциал таких демократических институтов, как СМИ, судебная система и общественные объединения, выражающие чаяния различных групп населения (см. рис. 4). Но самое главное – несколько сократилась (с 60% до 53%) доля тех, в чьём сознании прочно укоренился стереотип, согласно которому власть в России всемогуща и нет никакой возможности «тягаться» с ней даже в отстаивании своих интересов.

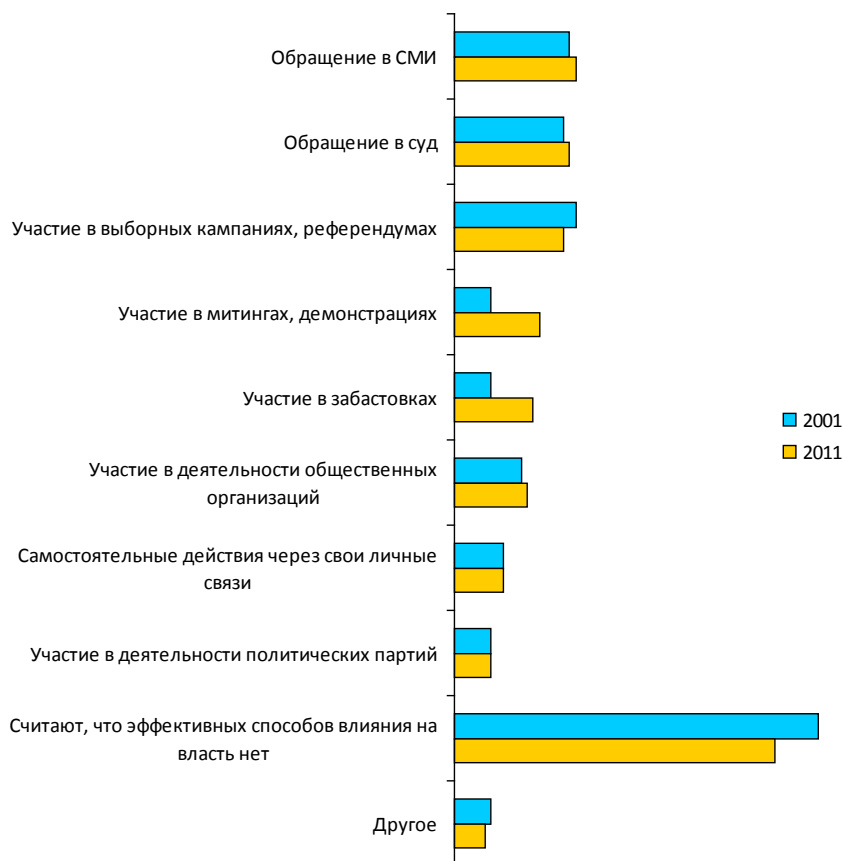

Рис. 4. Оценки эффективности различных способов воздействия на органы власти с целью отстаивания своих интересов, % (сумма цифр по каждому году более 100%, т. к. можно было выбрать до трёх ответов)¹

Появился целый ряд общественных движений и плеяда молодых общественных деятелей (Е. Чирикова, О. Кашин, А. Навальный и др.), которые своим примером доказывают, что даже небольшие группы активистов, не обладающие ни организационными, ни финансовыми ресурсами, с помощью современных средств коммуникации могут оказывать заметное влияние на общественную жизнь в стране. Причём сегодня мы сталкиваемся с двумя разнонаправленными процессами: снижение интереса к «большой политике» при одновременной политизации значительных сегментов разного рода субкультур, прежде всего молодёжных.

¹ Источник: исследования ИС РАН «Десять лет реформ глазами россиян», 2001 г.; «Двадцать лет реформ глазами россиян», 2011 г.

Результаты последних исследований также свидетельствуют, что общество заинтересовано в расширении политической конкуренции и наличии более широкого спектра политических партий в Государственной Думе, чем это имеет место сейчас. На вопрос о том, «какие партии, на Ваш взгляд, должны быть представлены в следующей Государственной Думе?», довольно большое число респондентов, помимо «Единой России», КПРФ, ЛДПР, «Справедливой России», назвали также «Яблоко», «Патриотов России», «Партию народной свободы» (26%, 19%, 17%). «Правое дело» и «Другая Россия» особых симпатий у россиян пока не вызывают.

Однако, когда зашла речь об электоральном выборе, даже расширенный спектр партий не вызвал особого энтузиазма у респондентов. Треть опрошенных заявили, что не планируют участия в выборах, а электоральные предпочтения других распределились среди партий, представленных ныне в Государственной Думе (см. таблицу 1). Это говорит о том, что запрос на обновление российской политической сцены выражен пока ещё очень слабо.

Таблица 1

Какие партии должны быть представлены в следующей Государственной Думе РФ и за какую из них россияне готовы проголосовать, %¹

Варианты ответов	Какие партии должны быть представлены в парламенте России?*	За какую партию Вы готовы проголосовать?***
«Единая Россия» (Б. Грызлов)	67	34
КПРФ (Г. Зюганов)	54	14
ЛДПР (В. Жириновский)	55	9
«Справедливая Россия» (С. Миронов)	51	7
«Яблоко» (С. Митрохин)	26	1
«Патриоты России» (Г. Семигин)	19	1
«Партия народной свободы» (В. Рыжков, Б. Немцов, М. Касьянов и др.)	17	1
«Правое дело» (Л. Гозман, А. Чубайс)	8	0
«Другая Россия» (Э. Лимонов)	9	0
Какая-то другая партия	2	1
Не планируют участия в выборах	18	31

* Респонденты могли выбрать любое число ответов.

** Респонденты могли выбрать только один ответ.

¹ Источник: исследование ИС РАН «Двадцать лет реформ глазами россиян», 2011 г.

Сегодня мы сталкиваемся с двумя разнонаправленными процессами: снижение интереса к «большой политике» при одновременной политизации значительных сегментов разного рода субкультур, прежде всего молодёжных.

Результаты последних исследований свидетельствуют, что общество заинтересовано в расширении политической конкуренции и наличии более широкого спектра политических партий в Государственной Думе.

Кроме того, опыт свидетельствует, что даже накопившееся недовольство крайне сложно донести до властей, поскольку те институты, которые по своему изначальному предназначению призваны выражать и отстаивать интересы различных групп населения, либо «играют» на стороне власти, либо вообще, как значительная часть НКО, являются фиктивными, существующими только на бумаге.

В этих условиях анализ и определение возможных путей сокращения дистанции между «политикой для избранных» и массовым гражданским участием представляются как никогда актуальными.

Начать следует с «реабилитации» социально-экономической компоненты демократии. Модель, которая импонирует значительной части российской элиты, локализуя демократию сферой политики и выборных процедур, отторгается большинством наших сограждан. «Демократический романтизм» конца 1980-х – начала 1990-х, когда главную ценность представляла свобода в различных её проявлениях, сменился запросом на прикладные аспекты демократии. Россиянам сегодня нужна «демократия на каждый день», т. е. не имитационные, а работающие институты, эффективность которых определяется степенью их влияния на политику властей, динамикой уровня и качества жизни, социальной защищённостью граждан, масштабами коррупции, реальным обеспечением не только политических, но и социально-экономических прав и свобод граждан и т. п.

Хорошо известно, что в России в 1990-е гг. демонтаж советской системы начался и в основном ограничился свёртыванием именно социальных основ предшествующего строя. Любые разговоры о том, что, помимо политических прав и свобод, есть ещё и социальные, трактовались, особенно на начальном этапе реформ, как чуть ли не призыв к возврату в «тоталитарное прошлое», к модели «социалистической демократии», базирующейся на этатизме и патернализме.

Между тем исследования показывают высокий уровень корреляции между социальными завоеваниями трудящихся и «принятием» демократии обществом. Он фиксируется, прежде всего, в странах, где граждане на протяжении многих лет пользовались плодами социального государства (Голландия, Дания, Финляндия, Швейцария, Швеция) (см.: [7]). Это одна из причин, почему, несмотря на постоянную критику неоконсерваторов, в этих странах, а также в большинстве других государств Западной Европы, никто от социальных завоеваний 1960-х – 1970-х гг. отказываться не спешит.

И в нашей стране, судя по результатам исследований, эта закономерность работает, в том смысле, что ситуацию с демократией в России совершенно по-разному оценивают респонденты разных материально-имущественных групп: у кого

В этих условиях анализ и определение возможных путей сокращения дистанции между «политикой для избранных» и массовым гражданским участием представляются как никогда актуальными.

дела идут хорошо – у того и с отношением к демократии «всё в порядке» и, соответственно, наоборот. Другой вопрос, что в нашей стране, в отличие от многих европейских стран, вторых значительно больше, чем первых (см. рис. 5).

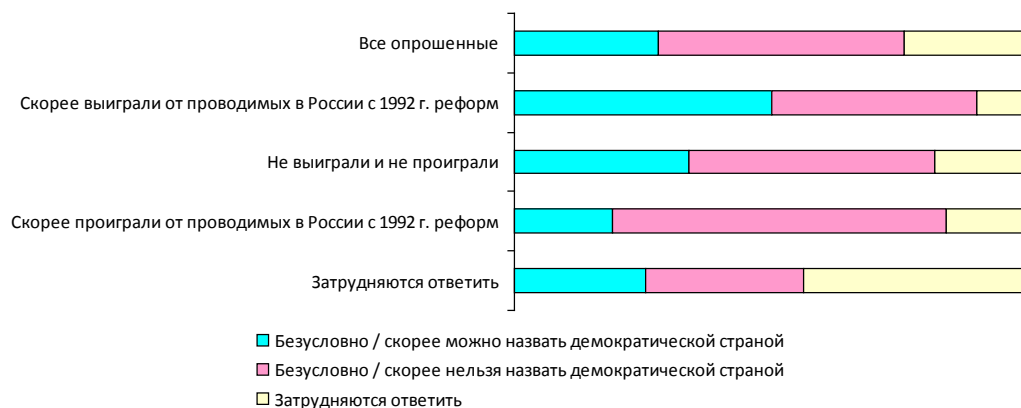

Рис. 5. Мнение россиян о том, можно ли современную Россию считать демократической страной, в зависимости от их оценок своего выигрыша / проигрыша от реформ, %¹

В целом же подтверждается хорошо известная истина – стабильная демократия не может существовать без такого уровня экономического развития страны, который обеспечивал бы приемлемый для большинства граждан уровень благосостояния. Было бы, однако неправильным считать, что в своём отношении к демократии россияне исключительно меркантильны, полагая, что чуть ли не единственным мерилом развитости демократии в той или иной стране является «толщина» кошельков её граждан, а свобода и права человека – вторичны. Просто современная Россия – это классическое «общество риска», где появившиеся возможности для самореализации активных групп населения причудливым образом сочетаются со страхом, несправедливостью, являющимися в каком-то смысле оборотной стороной обретенной свободы, права жить в соответствии с собственными представлениями. Отсюда и спайка идей свободы, безопасности и материального достатка в сознании многих россиян в надежде на такой социальный порядок, который бы обеспечивал и то, и другое, и третье. В то же время наблюдения за динамикой общественных настроений последних лет показывают, что значительная часть населения, особенно средний класс и молодёжь, «вкусив» первые плоды «общества потребления», из всей совокупности либеральных ценностей и идеалов всё большее предпочтение отдают идее консюмеризма.

Для того чтобы не допустить окончательной победы потребителя над гражданином, необходим статистически значимый слой свободных, рационально мыслящих людей, ориентированных в своих жизненных практиках на ценности

¹ Источник: Исследование ИС РАН «Двадцать лет реформ глазами россиян», 2011 г.

Современная Россия – это классическое «общество риска», где появившиеся возможности для самореализации активных групп населения причудливым образом сочетаются со страхом, несправедливостью, являющимися в каком-то смысле оборотной стороной обретенной свободы, права жить в соответствии с собственными представлениями.

Чтобы не допустить окончательной победы потребителя над гражданином, необходим статистически значимый слой свободных, рационально мыслящих людей, ориентированных в своих жизненных практиках на ценности самореализации, который мог бы выступать «поставщиком» и ретранслятором рационального знания, новых идей и смыслов, а также моральных ценностей.

самореализации, который мог бы выступать «поставщиком» и ретранслятором рационального знания, новых идей и смыслов, с одной стороны, а с другой – моральных ценностей. В развитых странах Запада в этой роли выступает обычно средний класс. В России же возможна, видимо, и реанимация в какой-то форме традиционной российской интеллигенции, поскольку её остатки ещё не так плотно инкорпорированы в кланово-бюрократическую систему, как нынешняя властная и околовластная элита.

Вторая фундаментальная проблема российской демократии, которой следует уделить большое внимание в ходе политической модернизации, – это нахождение механизмов перевода частных, групповых интересов на язык общезначимых проблем. Речь идёт, прежде всего, о способах согласования интересов крупного российского бизнеса с интересами общества. Настоящая, а не формальная демократия, как свидетельствует мировой опыт, предполагает более равномерное распределение богатств и ресурсов, чем это имеет место в современной России, а также контроль за экономической деятельностью со стороны общества, в тех случаях, когда эта деятельность способна нанести вред человеку и окружающей среде.

Ложно и слишком буквально понятый лозунг «священности и неприкосновенности частной собственности», привёл не только к череде катастроф с многочисленными человеческими жертвами, но и обусловил абсолютную закрытость и непрозрачность корпоративного сектора и рынка труда. Часто говорят, что россияне равнодушны к политической конкуренции. Но откуда может взяться ответственный гражданин, обладающий чувством собственного достоинства, если на работе он зачастую беззащитен и бесправен? Между тем, Запад знает массу примеров «соучастия», когда акционерами крупных компаний являются миллионы граждан, а главное – накоплен огромный опыт правовых, политических форм воздействия на экспансионизм крупного бизнеса посредством легальных демократических институтов, начиная от профсоюзов и заканчивая СМИ и парламентами. У нас пока ещё этого нет. Так, большинство россиян (57%) уверены в том, что каждый гражданин имеет право отстаивать свои экономические интересы, в том числе и с помощью забастовок и демонстраций, однако, как показывает практика, крайне редко этим правом пользуются. Это обусловлено отнюдь не только пассивностью многих наших сограждан, но и отсутствием адекватных механизмов, с помощью которых эти права можно реализовать. Судя по данным Росстата, количество забастовок сократилось с 6 тыс. в 2004 г. до 4 забастовок в 2008 г. (см.: [8])¹. Тенденция очевидна. Многие эксперты объясняют такое невиданное сокращение

¹ Более свежих данных Росстат не публикует.

числа забастовок изменением методики подсчёта: с 2007 г. эта организация стала учитывать только те акции трудящихся, которые проводятся в полном соответствии с трудовым кодексом. Иначе говоря, становится очевидным, что *право граждан на забастовку фактически не реализуемо в законных, легальных формах*. А те случаи массовых выступлений, которые получили широкий резонанс (Пикалево, Междуреченск и т. п.), «разруливаются» высшими руководителями государства в ручном режиме, а не в рамках трудовых споров профсоюзов и работодателей.

Вот почему в условиях предстоящей реструктуризации российской экономики первостепенной задачей становится создание новых профсоюзов, поскольку «старым», судя по исследованиям, наши сограждане, в лучшем случае, готовы делегировать лишь охрану труда на предприятиях и реализацию прав трудящихся на отпуск. Самое же главное, для чего существуют профсоюзы, – борьба за экономические интересы трудящихся – не воспринимается обществом как та область деятельности, где профсоюзы могут сегодня добиться чего-то существенного.

Пока же, не имея серьёзного противовеса в лице профсоюзов, «капитаны» крупного российского бизнеса весьма успешно лавируют в рамках тех возможностей, которыми они располагают. «Продвинутые», «широко мыслящие», «либерально ориентированные» руководители крупных компаний – безусловные демократы, когда речь идёт о необходимости освобождения своего бизнеса от попыток опеки и вмешательства со стороны властей, но создают откровенно авторитарную систему отношений в своих компаниях. Причём многие из них убеждены, что россияне должны работать больше, получать меньше и не роптать, когда их «выставляют» на улицу. Отсюда нарастающий кризис доверия в трудовых коллективах как между коллегами по работе, так и в отношении руководства.

Обычно сглаживанию противоречий между экспансионизмом, в том числе и политическим, крупного бизнеса и основной массой населения призваны служить демократические институты, вынуждающие, а иногда и принуждающие, элиты считаться с мнением большинства. В России пока ничего похожего нет. Общество, в свою очередь, реагирует нарастанием безразличия ко всему, что происходит за пределами «непосредственной среды обитания».

Конформизм, неучастие – это некоторые из возможных форм реакции на окружающую реальность, но отнюдь не единственные. В российском обществе есть группы и слои, хотя и немногочисленные, склонные к активному действию, часто радикальному. Только за последний год в стране было совершено несколько громких преступлений на почве национальной, религиозной и политической неприязни, получивших

широкую огласку и острую реакцию общественности. Причём экстремистские выходки имели место и в относительно благополучные годы, и в условиях кризиса. Это говорит о том, что радикализм и экстремизм начинают определяться факторами, традиционно присущими любому капиталистическому обществу, и прежде всего, экономическими неравенствами, в результате которых люди винят в своих социальных несчастьях богачей, инородцев и т. д. Сказывается и «каша» в головах многих людей, особенно молодых, когда крайне сложно провести демаркацию между действительным стремлением людей, скажем, к свободе, равенству, национальному или религиозному возрождению и – экстремизмом. И, наконец, влияет на сложившуюся ситуацию и отсутствие легальных возможностей как-то «докричаться до властей».

Поэтому третьим, принципиально важным направлением политической модернизации становится нахождение новых стимулов и форм гражданского и политического участия. Это, в свою очередь предполагает «перезагрузку» соответствующей инфраструктуры (партийной системы, системы местного самоуправления, социального партнерства, профсоюзов, локальных сообществ). Эта «перезагрузка», на наш взгляд, должна вестись в двух направлениях.

Во-первых, раскрепощения общественной и политической жизни, прекращения попыток мелочной регламентации деятельности политических партий и гражданских институтов. Все последние годы на фоне нарастающего «затвердения» партийной системы наблюдалась лихорадочная активность властей по перекраиванию избирательного законодательства. Главная цель этих титанических усилий – устранить даже гипотетическую возможность спонтанного, естественного хода политического процесса. Между тем, опыт многих стран, осуществляющих «демократический транзит», свидетельствует, что правила предвыборной игры обычно окончательно определяются к третьему циклу парламентских выборов. У нас в 2011 г. пройдут уже шестые за последние 17 лет парламентские выборы. Времени для экспериментов, в том числе с избирательным законодательством, включая порядок регистрации Минюстом новых партий, было достаточно. Напомним, что ни одни парламентские выборы в стране не прошли по тем же правилам, что и предыдущие. И вопрос сегодня, по сути, стоит так: либо удастся провести честные и справедливые выборы, легализовать новые политические объединения и тем самым укоренить институт многопартийных выборов в жизнь страны, либо доверие к ним будет окончательно подорвано.

Нужны также поиск и экспериментирование с какими-то иными формами политической самоорганизации, более гибкими и мобильными, чем те, которые сложились в настоящее

Принципиально важным направлением политической модернизации становится нахождение новых стимулов и форм гражданского и политического участия.

Требуется раскрепостить общественную и политическую жизнь, прекратить попытки мелочной регламентации деятельности политических партий и гражданских институтов.

время. Например, формирование «общественно-партийных холдингов», которые могли бы интегрировать самые разные образования, как политические, так и неполитические, начиная от дискуссионных клубов, аналитических структур, общественных объединений самого широкого спектра и заканчивая партийными альянсами. На первый взгляд, именно такой структурой может стать создаваемый В. Путиным «Народный фронт». Однако на этот счёт есть большие сомнения, поскольку «Народный Фронт» – сугубо электоральное образование, заточенное на поддержку одного лица. Предлагаемые же «холдинги» призваны, на наш взгляд, напротив, разгрузить партии от несвойственных им функций, типа курирование «порядка на дорогах», с одной стороны, а с другой – не допускать чрезмерной политизации общественных объединений. Не следует также забывать, что за последние годы в России появились несколько политических партий (Республиканская партия, «Другая Россия», «Народно-демократический союз», «Левый фронт», «ПАРНАС» и др.), которые не были официально зарегистрированы Министерством юстиции, но которые из политики уходить не собираются. Будучи вытесненными на обочину политической жизни, они неизбежно радикализируются. В этих условиях необходим механизм их легального существования, возможно через вхождение в какие-либо коалиционные образования, раз уж власти отказываются упростить порядок правовой легитимации новых политических субъектов.

Во-вторых, «перезагрузка» инфраструктуры гражданского и политического участия требует *завершения реформы местного самоуправления (МСУ) и так называемого «третьего сектора»* (некоммерческих организаций – НКО), *длящейся уже второй десяток лет*. Это особенно важно для такой огромной страны, как Россия, где требуются не только вертикальные, но и горизонтальные «скрепы» обеспечения единства государства. Формально, МСУ и НКО – огромная сила. К концу 2000-х в стране действовало около десяти тысяч представительных органов местного самоуправления, численность депутатского корпуса местных советов составила 250 тыс. человек, были избраны около 15 тыс. глав муниципальных образований (см.: [9]). По данным Общественной палаты, в стране насчитывается около 670 тыс. общественных объединений (см.: [10]). В то же время, как уже отмечалось, общественный актив этих органов сравнительно невелик, поскольку невелик потенциал этих организаций в решении волнующих местное население вопросов. Причём и в том и в другом случае это связано с ограниченностью финансовых средств: в НКО – это грантовая зависимость от разнообразных спонсоров, всё чаще государственных; в МСУ – от вышестоящих органов власти, прежде всего, региональных.

Исследования также показывают, что многие некоммерческие организации и органы местного самоуправления даже на одной территории слабо взаимодействуют друг с другом. А если и взаимодействуют, то в основном в плане обслуживания интересов властных и предпринимательских кланов. В результате, согласно данным опросов, уровень доверия к структурам гражданского общества на местах также не велик. Но есть потребность, особенно активной части населения, решать самостоятельно проблемы, с которыми люди сталкиваются в своём непосредственном окружении. Скажем, не доверяя большинству благотворительных организаций, почти каждый десятый россиянин проявляет свою добровольческую активность в одиночку или вместе со своими близкими, оказывая посильное содействие нуждающимся. Чудеса солидаризма, взаимопомощи продемонстрировали тысячи наших сограждан «жарким» летом прошлого года и в ходе тушения пожаров. Почти четверть россиян в 2010 г. участвовали в благоустройстве окружающей территории (дворов, детских площадок и т. п.) (см.: [6]). Отличительной особенностью России является также то, что здесь как нигде широкое распространение получили движения «одного требования». Речь идёт о движении автомобилистов, обманутых пайщиков и дольщиков жилищных пирамид, экологов, защитников архитектурного наследия и т. п., которые, с одной стороны, спонтанны, а с другой – очень организованны и эффективны. Такие формы участия, в отличие от «большой политики», не требуют каких-то существенных затрат (временных, материальных, организационных) и поэтому востребованы, прежде всего, активной и дееспособной частью общества. Они представляют интерес не только потому, что позволяют решать какие-то конкретные социальные и материальные проблемы людей, но, что также немаловажно, стимулируют людей к общению, создают предпосылки для формирования групповой идентичности в рамках локальных сообществ с перспективой выхода на более широкие социальные и общественные институты.

Демократия участия предполагает также широкое перманентное обсуждение всех более или менее важных для общества проблем. Профессиональной политикой сегодня занимаются единицы, но дискутировать, чувствуя при этом приобщённость к делам страны, своего города, посёлка и т. п., могут и должны многие. Некоторые эксперты даже считают, что коммуникативный аспект демократии в XXI в. будет более важен, чем институциональный. На этом фоне особого внимания заслуживает «взрыв» гражданской активности в интернете. Ряд специалистов относится к нему довольно скептически, как к имитационной форме участия. Однако нельзя не видеть и того, что именно интернет давно стал параллельной реальностью, в которой есть всё то, чего не хватает в жизни.

Демократия участия предполагает широкое перманентное обсуждение всех более или менее важных для общества проблем.

Одновременно с этим он дал толчок многим гражданским инициативам, которые уже выходят из виртуального пространства в жизнь, позволил «высветить» реакцию властей на проблемы, заставил их прислушаться к общественному мнению. В частности, всевозрастающий протест, причём самых разных групп и слоёв населения, вызывает деятельность судебной и правоохранительной систем. И власти вынуждены реагировать на сигналы, идущие, в том числе, из блогосферы, прислушиваться к общественному мнению.

Возникающие формы низовой самоорганизации (в которых современные информационные технологии часто переплетены с молодёжной субкультурой) потому так успешны, что компактны, создаются и действуют в логике, альтернативной крайне тяжеловесным и неповоротливым традиционным политическим институтам. Важно и то, что они формируют новую генерацию молодых общественных деятелей, предлагают обществу темы для обсуждения, выходящие далеко за рамки тривиальных политических баталий, а главное – выдвигают всё новые инициативы, которые приводят к широкомасштабным коллективным действиям. Именно общественность настояла на добавлении к перечню классических прав и свобод право жить в незагрязнённой окружающей среде и право более справедливого доступа к здравоохранению и образованию.

Таким образом, в настоящее время задачей первостепенной важности становится развитие разнообразных форм коллективной интеграции, самозащиты и самоорганизации граждан. Пока уровень реальной включённости россиян в различные сети социального взаимодействия, структуры гражданского общества невысоки. Тем не менее, множество групп имеют свои собственные экономические, политические и культурные интересы, которые в состоянии оказывать влияние на положение дел, как в рамках локальных сообществ, так и в стране в целом. Именно базовые структуры гражданского общества могут стать основой для мобилизации демократических сил и их активного участия в процессе модернизации политической и общественной жизни, тем более что это соответствует ожиданиям и настроениям большинства населения страны.

Библиографический список

1. Россия в Европе: по материалам международного проекта «Европейское социальное исследование» / Под общей редакцией А. В. Андреевской и Л. А. Беляевой. – М.: Academia, 2009.

Возникающие формы низовой самоорганизации (в которых современные информационные технологии часто переплетены с молодёжной субкультурой) потому так успешны, что компактны, создаются и действуют в логике, альтернативной крайне неповоротливым традиционным политическим институтам.

В настоящее время задачей первостепенной важности становится развитие разнообразных форм коллективной интеграции, самозащиты и самоорганизации граждан.

2. Всероссийский опрос ВЦИОМ 31.08.2008 // Всероссийский центр изучения общественного мнения. База данных «Архивариус». URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=557&q_id=40079&date=31.08.2008 (24.11.2011).
3. Pipes, R. Flight from freedom: what Russians think and want // Foreign Affairs. May/June 2004. URL: <http://www.foreignaffairs.com/articles/59887/richard-pipes/flight-from-freedom-what-russians-think-and-want> (25.11.2011).
4. Ясин Е. Приживётся ли демократия в России. – М.: Новое издательство, 2005. – С. 336.
5. Красин Ю. Метаморфозы российской реформации. – М.: ИС РАН, 2009. – С. 159–161.
6. Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М. Горшкова, Р. Крумма, Н. Тихоновой. – М.: Весь Мир, 2010.
7. How the Europeans see themselves. Looking through the mirror with public opinion surveys // European Commission. ‘European documentation’ series. – Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2001. URL: http://ec.europa.eu/publications/booklets/eu_documentation/05/txt_en.pdf (24.11.2011).
8. Российский статистический ежегодник / Федеральная служба государственной статистики. – М., 2010. – С. 162.
9. Кынев А. Муниципальные выборы по новым правилам // Pro et Contra. Январь – февраль 2007. № 1 (35). – С. 31–32.
10. Ежегодный доклад Общественной палаты «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации» за 2009 год // Общественная палата Российской Федерации. URL: <http://oprfr.ru/documents/1151/1256/> (24.11.2011).